

Армин Евгеньевич фон Фелькерзам (1861–1917)

Хранитель Галереи драгоценностей Императорского Эрмитажа

В начале 2012 года Государственный Эрмитаж праздновал юбилей Отделения драгоценностей, но за год до этого события был забыт и по этой причине пропущен другой юбилей – сто пятьдесят лет со дня рождения Армина Евгеньевича фон Фелькерзама, старшего хранителя Отделения драгоценностей Императорского Эрмитажа, блестящего ученого, первоклассного знатока ювелирного дела, сыгравшего одну из ключевых ролей в жизни Отделения драгоценностей начала XX столетия и известного не только тем, кто постоянно работает в этой области искусствоведения.

Всякий, будь он любитель или профессионал, прочитавший один из трудов А.Е. фон Фелькерзама, согласится с тем, что Армин Евгеньевич обладал уникальными по глубине и широте познаниями. Неоценимая заслуга его заключается прежде всего в издании словаря петербургских ювелиров, в котором он смог собрать имена многих золотых и серебряных дел мастеров за период с 1714 по 1814 год.

Также он в краткие сроки произвел полностью инвентаризацию всей Галереи драгоценностей (ГД), а точнее – Отделения драгоценностей при Императорском Эрмитаже¹, создав новый так называемый «зеленый инвентарь», куда и занес всю необходимую информацию. Этот труд не утратил своего значения и по сей день.

Одновременно с этим по просьбе директора Музея он систематизировал, описал и издал фундаментальный труд в двух томах по коллекции серебра в Императорском Эрмитаже, Зимнем, Аничковом и Гатчинском дворцах². Без этого труда, в котором приведены архивные материалы, невозможно исследовать эрмитажную коллекцию и сейчас. Им были подготовлены в первые десятилетия XX столетия три новые крупные экспозиции прикладного искусства – драгоценностей, серебра и фарфора³.

Начиная с января 1907 года Фелькерзам печатал в известном журнале «Старые годы»* свои работы, посвященные различным аспектам ювелирного искусства. Наряду с его работами о поделочных материалах стоит отметить ряд статей, посвященных новому залу драгоценностей Императорского Эрмитажа с подробнейшим его описанием; следует упомянуть и о статье «Янтарь и его применение в искусстве» (ноябрь–декабрь 1912), в которой детально описана Янтарная комната – уникальный памятник ювелирного искусства (при воссоздании этой комнаты, после утраты в 1940-х гг., ученые и специалисты часто обращались к его статье как к самому верному топографическому источни-

А.Е. фон Фелькерзам в парадном костюме камергера при орденах. СПб. 1910-е.

ку). Особое место в наследии А.Е. фон Фелькерзама занимает его статья «Старые ковры Средней Азии» (октябрь–декабрь 1914 – июнь 1915), представляющая и по сей день немалый интерес. Эта работа свидетельствует о большом опыте и зрелости ученого.

Он был страстным коллекционером и обладал первоклассной коллекцией восточных ковров, был серьезным исследователем этого вида декоративного искусства, интерес к которому зародился со времени его службы на Кавказе. Можно предположить, что барон Фелькерзам прибегал к консультации А.К. Фаберже, когда писал статью о коврах. Известно, что А.К. Фаберже был хорошим знатоком ковров и обладал прекрасной коллекцией восточных и западноевропейских ковров. Более сотни ковров после революции были отданы на хранение в Эрмитаж⁴ (См. АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Ед. хр. 371).

Совершенно неизвестна судьба ковров, собранных А.Е. фон Фелькерзамом: сколько всего их было, какого производства они были и проч., были ли вывезены в Гатчину, а затем в Финляндию, или эти ковры оставались в Петрограде-Ленинграде. Может быть, коллекция ков-

* Тираж: в 1907 г. – 400 ед., 1915 г. – 5000 ед.

ров была продана в 1915 или в 1918 году. Постигла ли ее участь многих ценных коллекций ушедших за границу – неизвестно. Вопрос остается и по сей день открытым. Но известно, что более сотни книг в основном по генеалогии и геральдике на французском, немецком, итальянском, английском и русском языках XVII–XX веков из личной библиотеки барона А.Е. фон Фелькерзама были переданы в Эрмитаж в 1918 году.

Также он собирал экслибрисы, их в коллекции насчитывалось более двух с половиной тысяч экз. (в общей своей массе иностранные – немецкие), впоследствии он пожертвовал их музею Академии художеств⁵.

Имя Армина Евгеньевича «знают и чтят музейщики, историки культуры и прикладного искусства, специалисты по геральдике и генеалогии, знатоки-коллекционеры»⁶. На его трудах выросло не одно поколение первоклассных специалистов широкого профиля. Однако, как это иногда бывает, при всех его заслугах перед наукой биография столь незаурядного человека, каким, несомненно, являлся Фелькерзам, почти никому не известна. Армин Евгеньевич является одним из достойных представителей рода фон Фелькерзам и несокрушимо стоит в ряду со своими выдающимися родственниками, такими, как адмирал Д.Г. фон Фелькерзам и депутат Государственной думы III и IV созывов Г.Е. фон Фелькерзам.

Основные вехи его жизни довольно скупо обозначены в нескольких работах⁷. Чтобы воссоздать канву некоторых исторических событий его биографии мной были предприняты разыскания, которые легли в основу этого небольшого исследования. Речь идет об архивных находках, многие из которых ранее никогда не использовались, – личные дела, записи мемуарного характера и т. п. Таким образом, мной впервые введены в научный оборот факты, открывающие новые страницы из жизни одного из виднейших сотрудников Императорского Эрмитажа. Но изучение его биографии следует продолжить, так как необходимо еще изучить круг его знакомств в научной и светской среде, включая также родственные связи. Например, отношения со своими братьями, один из которых был депутатом Государственной думы. Отдельного исследования заслуживает тематика его научных статей.

Дворянин Курляндской губернии барон Магнус Конрад Армин (Армин Евгеньевич) фон Фелькерзам (von Foelkersam)** родился 4 апреля 1861 года в Риге в семье служащего в правлении Балтийских Государственных предприятий капитана Фабиана Иоганна Евгения фон Фелькерзама (1809–1883) и Марии-Констанции, урожд. фон Фитингоф-Шиль (von Vietinghoff-Scheel; 1819–1889). Он был последним, десятым, ребенком, но именно он оказался единственным, кто оставил заметный след в культурной жизни России. Основатель этой ветви рода Георг-

** Варианты: Völckersahm, Völkersam, Voelckersahm, Fölkersamb, Fölkersahm, Foelkersam, Foelckersahm. Род этот ведет свое начало с XIII века.

Титульный лист журнала
Старые годы. Январь 1907

Титул статьи «Старинные ковры
Средней Азии». Старые годы.
Октябрь–декабрь 1914. С. 57

Фридрих фон Фелькерзам (1766–1848), был гражданским губернатором Лифляндии. Вместе со своей женой Бениной Готтлиб (Benigna Gottlieb; 1771–1861) они имели девять детей: все они получили классическое образование⁸.

Начальное образование А.Е. фон Фелькерзам получил дома в своем родовом имении Варвен (Wagwen; 3 000 десятин), которое было во владениях рода Фелькерзамов с февраля 1735 года (как значится в именном указе о пожаловании земель и крестьян на пожизненное владение вице-президенту лифлянского надворного суда, генерал-директору от экономии Лифляндии на острове Эзеле Георгу Фелькерзаму)⁹. Затем он продолжил обучение в пансионе в Митаве (1874–1877). Среднее образование получил в Николаевской гимназии в Либаве (1877–1881). Уже в учебные годы у него появился особый интерес и стремление к изучению истории, геральдики, генеалогии и прикладного искусства: он регулярно посещал заседания Рижского общества древностей Остзейских провинций и регулярно принимал участие в выставках, проводившихся Обществом.

В 1881 году поступил в Юрьевский (Дерптский, ныне Тартуский) университет на юридический факультет, который окончил в январе 1886 года. Сдав выпускные экзамены с отличием, был оставлен при университете на один год для подготовки к профессорскому званию. По окончании университета Фелькерзам был утвержден в чине губернского секретаря по определению Департамента герольдии Правительствующего Сената – так было положено начало чиновной карьеры барона А.Е. фон Фелькерзама.

С 23 марта 1887 года он был определен на службу в Законодательное собрание Министерства юстиции кандидатом на судебную должность при прокуроре Санкт-Петербургской судебной палаты. С 1 марта 1889 года был направлен чиновником особых поручений VII класса без содержания в Тифлис при Главноначальствующем гражданскою частью на Кавказе. Находясь в Тифлисе, барон Фелькерзам проявил себя талантливым чиновником. Одним из первых был зачислен в военную службу ратником ополчения. Он участвовал в военной операции в Абхазии, и

за добросовестное несение службы 25 июня 1890 года был пожалован в кавалеры ордена Св. Станислава III степени. По дороге домой А.Е. фон Фелькерзам побывал в Крыму, где ознакомился с местным ювелирным искусством.

В Санкт-Петербурге 28 марта 1889 года Армин Евгеньевич женился на Софии-Елизавете фон Этлингер (Sophie von Ettlinger; 1867–1944), того же евангелическо-лютеранского вероисповедания, что и сам барон Фелькерзам.

21 мая 1890 года по семейным обстоятельствам был вынужден уйти со службы. Упомянутые семейные обстоятельства – это смерть матери и рождение первой дочери, Ренаты (Ренаты-Тамары-Марии-Анастасии; православное имя – Наталья), появившейся на свет в Тифлисе 29 декабря 1889 года. Через два года уже в родовом имении фон Фелькерзамов 30 ноября 1891 года родилась вторая дочь – Эдель (Эдель-Мария-Леопольдина; православное имя – Елизавета)¹⁰. Затем там же родился сын Мельхиор (1893–1901), названный в честь выдающегося предка, который стоял в Персии при Аббас-Мирзе. 2 августа 1895 года родилась следующая дочь – Мария-Тереза (православное имя – Мария), спустя почти два года – еще одна дочь – Андреа-Маргарита-Мария-Берта (православное имя – Александра), которая родилась в воскресенье 30 марта 1897 года. Ее детство и юность прошли уже в Москве, вместе со старшими сестрами.

Мать пятерых детей, Софья Васильевна фон Фелькерзам, спустя десять лет совместной жизни получила официальный развод 3 ноября 1899 года и в 1904 году вторично вышла замуж за пастора Павла Неандера (Paul Neander; 1872–1917), от которого в 1906 году родила дочь Ирину.

А.Е. фон Фелькерзам после развода женился второй раз на дворянке Анне Никифоровне, урожд. Ягелло-Манцевич из Орши (Jagiello-Mancewitsch; 1890–1947), венчание состоялось 20 октября 1912 года в местечке Никольское. У них родились два мальчика – Андриан (1914–1953) и Патрик (1916–?).

С детьми от первого брака Армин Евгеньевич виделся крайне редко: за пятнадцать лет состоялось всего несколько встреч. Зато он вел регулярную переписку с ними. Так как его дочери превосходно знали русский язык, в отличие от самого барона А.Е. фон Фелькерзама, то они

Александра,
Анна
Никифоровна
(вторая жена),
Наталья,
Армин
Евгеньевич.
Борго. 1917

правили его статьи. Так, его младшая дочь Александра писала в своих воспоминаниях, что, несмотря на весьма юный возраст, она обладая хорошим стилем письма, и зная, как и чем увлечь читателя, правила многие статьи отца. Один из организаторов «Старых годов» П.П. Вейнер, который прекрасно знал Фелькерзама, в своих воспоминаниях написал об этом следующее: «...Писал Фелькерзам не по-русски, а по-французски или по-немецки, в зависимости, я думаю, от источника, а переводил я, и иногда только дипломатическим путем устранял эгегические экскурсы, которые особенно нравились его немецкой душе, но по-русски звучали бы смешно...»¹¹. Это не противоречит словам дочери Александры, так как А.Е. фон Фелькерзам является автором более пятидесяти статей. Обращаясь еще раз к тем же воспоминаниям П.П. Вейнера о Фелькерзама, можно найти следующие факты: «...он относится к своей специальности не как homme du métier (профессионал), а как светский человек, только солидно знающий известную область. Это не помешало ему выпустить превосходный труд об императорском серебре и напечатать <...> очень основательное исследование о мастерах золотого и серебряного дела. Но он считал, например, излишним документировать свои слова и поражался [Н.Н.] Врангелю, такому щедрому на ссылки. "Кто смеет мне не поверить, если я что-либо утверждаю?", говорил он свысока, с чувством собственного достоинства. Впоследствии появился ряд его статей, где ссылки на источники не всегда были бы ему желательны, так как открыли бы, что он ловко их компилировал, но по темам малоизвестным, а потому и самые источники были малоизвестны, и это не бросалось в глаза читателям, даже занимающимся искусством. Это, впрочем, не умаляет их интереса: новое слово не по всякому поводу можно сказать, и впервые сообразить и особенно осветить рассеянные сведения уже есть заслуга <...>, он пек статьи, не столько пользуясь личными наблюдениями и исследованиями, сколь компилируя из прекрасных иностранных руководств, и лицам, несколько знакомым с вопросом, кухня его была ясна. Однако, взятые вместе, эти статьи – за отсутствием чего бы то ни было на эту тему в русской литературе – представляли несомненный интерес для русского читателя, и мы печатали их в

Сестра милосердия
Елизавета в госпитале
в окружении
офицеров. Во втором
ряду третий слева
Великий князь Павел
Александрович.
Петроград. 1918

несколько большем количестве отдельных оттисков (300 или 500), чтобы по окончании серии выпустить их сборником. Прекращение издания остановило и это начинание, но приготовленные оттиски, возможно, хранятся со всем старогодовым...»¹².

После увольнения Армин Евгеньевич вернулся в свое имя. С 1891 по 1893 год он предпринял большое путешествие по Западной Европе: Армин Евгеньевич посетил за два года Германию, Австро-Венгрию, Испанию, Бельгию, Италию, Францию, изучал прикладное искусство в музеях и частных коллекциях. Так, например, в ходе своей поездки в Берлин, он познакомился с двумя виднейшими коллекционерами того времени: графом Карлом Лейнинген-Вестербургом (Karl Enrich Leiningen-Westerburg) и Вальтером фон Цур-Вестерном (Walter von Zur Western). Благодаря этим коллекционерам и ценителям европейских экслибрисов (они явились инициаторами создания в 1891 году крупнейшего на сегодняшний день общества экслибрисистов – Deutsche Exlibris Gesellschaft), А.Е. фон Фелькерзам, обладающий энциклопедическими знаниями и эрудицией в области западноевропейской геральдики, стал единственным обладателем редкой и крупнейшей коллекции экслибрисов в имперской России.

По возвращении на родину он был приглашен на должность комиссара генеалогии Курляндии, и занимал ее с

1893 по 1902 год. Участвовал в первой Всеобщей переписи населения в качестве заведующего переписным участком. По завершении работы, в конце января 1897 года, ему была объявлена высочайшая благодарность. В 1900 году он переехал в Петербург и поселился на Пантелеймоновской ул., д. 13, кв. 16 (Литейная часть, 1-й участок). Ему была выдана бессрочная паспортная книга для права проживания на всей территории Империи. Обосновавшись в столице, он наконец-то мог посвятить себя давно уже занимавшей его специальности – истории искусства восточных народов (может быть этот интерес был вызван еще и тем, что его предок стоял при персидском принце Аббас-Мирзе), а также генеалогии Остзейских провинций и геральдики. Примерно в это время он начал изучать орнаменты Среднеазиатских ковров, происхождение русских дворянских фамилий с балтийскими корнями и прочее.

Порой для исследователя биография ученого является единственным ключом для понимания многих процессов, которые повлияли на формирование системы взглядов, а также событий. Так, например, Фелькерзам в какой-то момент радикально изменил свою жизнь, следуя

Именная описная карточка к предметам, хранящимся в ГД.
Автограф С.Н. Тройницкого.
Сделано по макету, утвержденному А.Е. фон Фелькерзамом. 1916

1850 г.г., такъ какъ Александръ Павловичъ Лукутинъ вступилъ въ дѣло въ концѣ 1830 г., а Павелъ Васильевичъ, отецъ его, умеръ въ 1863 г.
6721. табакерка круглая изъ черной черепахи въ золотой оправѣ. Въ крышку вставлена окруженная полужемчужинами миниатюра съ изображеніемъ *en grisaille* женской головы въ профиль. Подъ срѣзомъ шеи подпись художника *Sansage*, кругомъ буквы: O. P. L. A. E. L. A.

6722. табакерка круглая, золотая, рѣзаная, въ крышку всавлена подъ стекломъ четырехугольная мозаичная картинка, изображающая лежащую собаку. На днѣ внутри клеймо мастера *Keibell*, два стертыхъ клейма (*C. Meyer* *Burn* и неясныя клейма пробы и пробирмейстера. По стилю табакерки она можетъ быть работой только Кейбеля сына. Мозаика вѣроятно работы придворнаго мозаичиста Веклера.

6723. табакерка золотая, продолговатая, съ закругленными углами. Табакерка украшена голубой, черной и бѣлой опаковой эмалью, по краю дна и крышки идетъ орнаментъ изъ дубовыхъ листьевъ и желудей. На крышкѣ и на днѣ по рѣзному овалному медальону; въ первомъ изображены двое людей, играющихъ въ карты, одному изъ которыхъ собесѣдникъ въ зеркало показываетъ игру противника; въ нижнемъ медальонѣ изображенъ букетъ цвѣтовъ. Шеневская работа второй трети XIX вѣка. Клеймо:

*Bocquet
berlin*

❁ BAJ 18X

6724. табакерка серебряная, съ финифтяной крышкой, продолговатая, со срѣзанными углами. На крышкѣ изображенъ золотымъ рельефомъ сидящій на тронѣ, въ античномъ вооруженіи, и въ закрытой коронѣ на головѣ, король которому женщина въ широкой одеждѣ подноситъ открытую корону. Фонъ бѣлый, съ золотой гирляндой по верх-

нему краю, росписанъ пестрымъ орнаментомъ съ цвѣтами. Внутренняя сторона крышки желто-зеленой финифти съ подписью черной краской *Bocquet à Berlin*. *Bocquet* принадлежалъ къ большой колоніи французскихъ мастеровъ, начало переселенія которыхъ въ Англiю, Германію, Швецію и т.д. было слѣдствіемъ отмены Нантскаго Эдикта. *Bocquet* былъ

Именная описная карточка к предметам, хранящимся в гд. Автограф С.Н. Троицкого. Сделано по макету, утвержденному А.Е. фон Фелькерзамом. 1916

внутренней склонности, вопреки всем препятствиям, и тем самым сделал ее значительно богаче, ярче. Благодаря случайному стечению обстоятельств он вернулся в Петербург, где ранее проживал, и занялся искусством и его историей, о чем давно мечтал. Случай этот – встреча с его старинным знакомым по Юрьевскому университету, Эдуардом Эдуардовичем Ленцем. Вернувшись из-за границы, Фелькерзам 15 октября 1902 года подал прошение в дирекцию музея Императорского Эрмитажа. Его прошение было рассмотрено, и по ходатайству он был определен в отдел Средних веков и Возрождения, где начал заниматься исследовательской работой под руководством старшего хранителя Э.Э. Ленца. В январе 1903 года была открыта «классная должность хранителя без содержания», которую и получил Фелькерзам 23 января того же месяца. Таким образом, именно с этого времени он начал совсем другую – «новую», интересную жизнь.

Вскоре он начал проявлять себя серьезным исследователем и по мере возможности заводил знакомства. Так, например, он познакомился, а затем и сблизился с семьей Фаберже. Особенно хорошо барон Фелькерзам знал А.К. Фаберже, который работал оценщиком ювелирных изделий при Дворе. Также барон фон Фелькерзам был знаком и с многочисленными членами семьи царствующей династии Романовых. Для многих из них, до середины 1910-х годов, как талантливый художник-любитель и историк искусств, он создавал эскизы экслибрисов для личных библиотек (больше двадцати). Всего он явился автором свыше ста тридцати высокохудожественных экслибрисов в геральдическом стиле и тем самым оказался одним из самых плодовитых и продуктивных художников-графиков, работавших в области книжных знаков. Также он активно участвовал в работе Общества любителей древностей. А.Е. фон Фелькерзам стал одним из учредителей и деятельным участником журнала «Гербовед» (1913), для которого писал статьи по геральдике, генеалогии, литературе, искусству Курляндии.

Через год, 17 января 1904 года, он получил должность хранителя Галереи драгоценностей с годовым жалованьем 1 350 руб., плюс столовые 1 000 руб. и квартирные 1 000 руб. На протяжении многих лет начиная с 1902 года барон Фелькерзам интенсивно исследовал императорские коллекции серебра, хранившиеся в разных дворцах, изучал систему пробирования и клеймения изделий из драгоценных металлов. Для своих исследований он привлекал обширные материалы из архивов Министерства Двора, иностранных дел, Монетного двора, ремесленной управы и морского флота и т. д.; в этих архивах он находил имена мастеров-ювелиров и многие другие сведения, что позволило ему спустя несколько лет издать содержательную книгу, посвященную мастерам-ювелирам. Этот труд включает в себя, помимо прочего, большое количество архивов, которыми пользовался барон Фелькерзам, недошедших до нашего времени: какие-то погибли при пожаре, иные были просто уничтожены¹³.

Спустя несколько лет им был выпущен двухтомный труд «Опись серебра Двора Его Императорского Величества». Когда книга вышла в свет, Фелькерзам по распоряжению царя был награжден «за отлично-усердную службу» орденом Анны III степени (22 апреля 1907). Сохранились воспоминания Фелькерзама о приватной аудиенции у Николая II в Царскосельском дворце 9 января 1908 года по случаю выхода в свет этого труда: «Я вошел в кабинет и поклонился императору, который стоял в трех шагах от меня. Он подошел, пожал мне руку и, отчетливо произнося каждое слово, сказал: «От всего сердца благодарю вас, барон, за прекрасную работу». Я ответил, что был чрезвычайно рад угодить Его Величеству, на что император заметил: «Вам удалось и я признателен вам за работу, в которой нашел для себя много нового. Как долго вы трудились над ней?». «Более четырех лет, Ваше Величество, мне пришлось проделать огромную подготовительную работу, у нас поныне недостаточ-

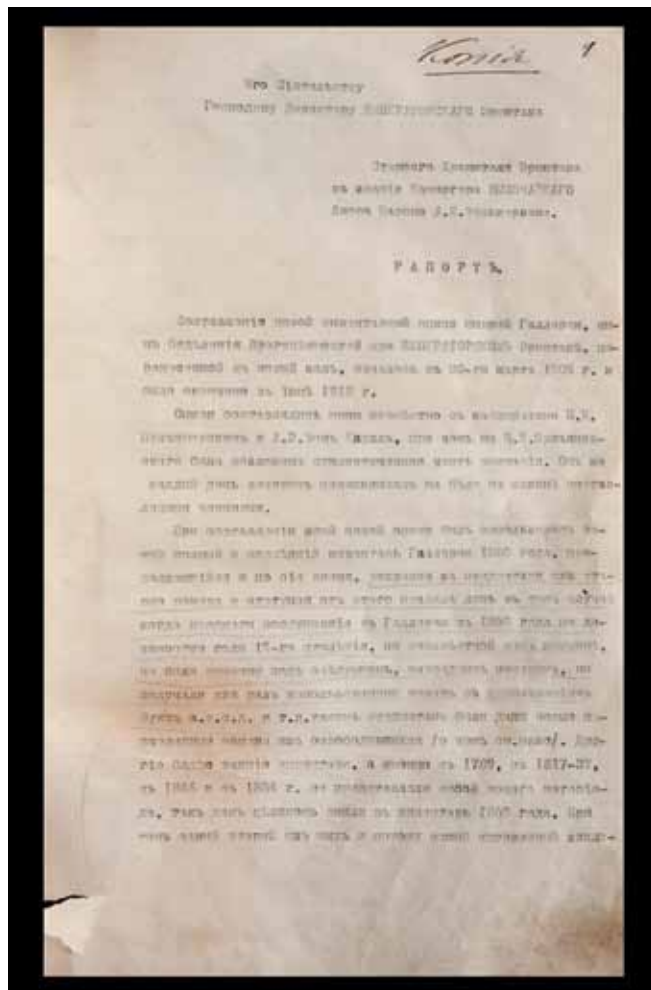
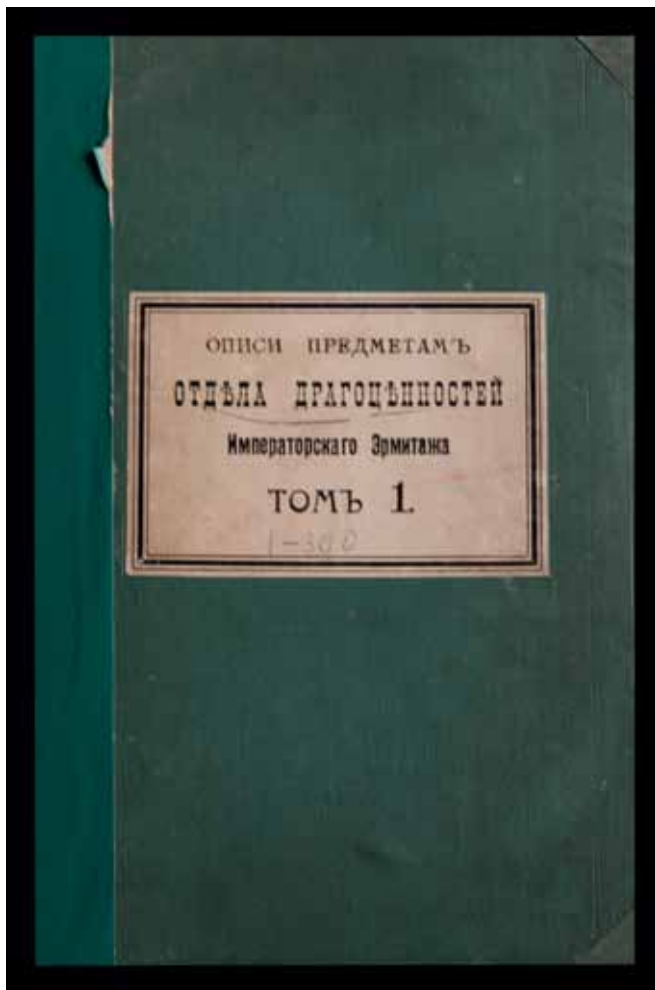
А.Е. фон Фелькерзам за рабочим столом в своем кабинете (ныне зал Кваренги) перед Галереей драгоценностей. СПб. 1910-е.

Титульный лист Описи Серебра Двора Его Императорского Величества. 1907. Т. 1

Опись Серебра Двора Его Императорского Величества. Клейма Туринского сервиза. 1907. Т. 2. С. 175

но печатного материала в этой области”. Далее последовал длинный разговор о содержании книги, о французском и английском серебре, о причинах, по которым в западных странах крайне мало древних сокровищ из серебра и так далее. Очевидно, император довольно подробно ознакомился с книгой. Он спросил, как долго я служу в Эрмитаже и где служил прежде; знаком ли с Москвой и с сокровищами Оружейной палаты. Затем, помедлив, добавил: “Должно быть, прекрасно, заниматься искусством, проводить подобные изыскания, я вам слегка завидую. На сей счет я ответил: “Ваше Величество, искусство – заряд жизнелюбия, утешение в любом горе и богатый источник, который никогда не иссякнет”. Он одобрительно кивнул, мы обменялись несколькими словами, затем он вновь пожал мне руку и сказал: “Примите еще раз мою благодарность”. Я сделал шаг назад, пробормотав, что-то вроде: чрезвычайно рад, и направился к двери, где он снова окликнул меня: “Да, а как поживает Иван Александрович (директор Всеволожский [1835–1909]), давно я его не видел”. “Слава Богу, намного лучше”. “Так, пожалуйста, передайте, ему мои наилучшие пожелания”. Он приветливо кивнул, я вновь поклонился и вышел. Мне показалось, что император выглядел усталым, хотя его глаза и любезное обращение остались прежними»¹⁴.

Обложка «Зеленого инвентаря». 1900-е гг.

Барон А.Е. фон Фелькерзам был кавалером офицерского креста ордена Леопольда, врученного ему лично королем Бельгии Леопольдом II (15 мая 1909), несколько позже офицерского креста Брауншвейгского ордена Генриха Льва (27 января 1910); болгарский король Фердинанд при посещении Эрмитажа пожаловал А.Е. Фелькерзаму болгарский орден – командорский крест с бриллиантами «за гражданские заслуги» (18 мая 1911), в 1913 году – медаль в память 300-летия царствования Дома Романовых (21 февраля 1913).

Первая страница рапорта (вступительной статьи) А.Е. фон Фелькерзама к «Зеленому инвентарю». 1900-е гг.

Весной 1907 года Фелькерзам купил через своего поверенного Г.И. Шмидта у баронессы Байо-де-Гоезе имение. Роскошное имение Нежгостицы-Вал (господский дом с мезонином, сад с оранжереями и парниками и пейзажный парк и четыремя мукомольными мельницами)¹⁵ еще в 1861 году было включено в число образцовых усадеб Лужской губернии; занимало это имение 6 578 десятин.

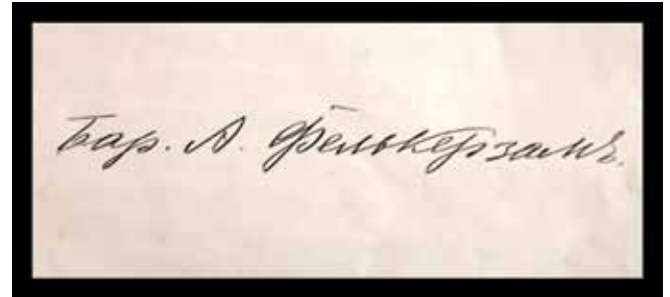
Первоначально (с начала XVIII в.) имением владел предок отставного гвардии полковника Н.Б. Глинки-Маврина¹⁶. Затем Н.Б. Глинка-Маврин вынужден был заложить имение, и в сентябре 1904 года оно ушло с молотка за не оплаченный вовремя срочный взнос 100 руб. (хотя за ним оставался еще долг в 587 руб.). Вовремя оплатить долг владелец

не смог по двум причинам: первая – пагубная страсть к игре в карты, которая вынудила его со временем заложить, а затем и продать все, что ему оставалось от предков (несмотря на хроническое невезение в игре, он привык жить в роскоши, на широкую ногу), вторая – деньги (упомянутый выше срочный взнос) не были доставлены вовремя, к назначенному судом 11 июля 1908 года¹⁷.

Имение было продано через Санкт-Петербургско-Тульский поземельный банк по купчей баронессе М.Ф. Байо-де-Гоезе (урожд. Чернышевой, по первому браку баронессе де Питтерс-Гиегертс)¹⁸. Весной 1907 года имение Нежгостицы баронесса М.Ф. Байо-де-Гоезе перепродала через своего поверенного, даниловского купца П.Г. Киселева (одно время на него было заведено уголовное дело за стачку на публичных торгах, но скоро снято за отсутствием состава преступления), Фелькерзаму по страховой сумме в 51 842 руб.¹⁹. Через несколько месяцев к Фелькерзаму поступил судебный иск от Н.Б. Глинки-Маврина по поводу якобы фиктивной продажи его имения. Так как барон Фелькерзам заключил с М.Ф. Байо-де-Гоезе правильно куплю-продажу на имение, то он не мог облагаться какими-либо штрафами и налогами.

Судебный процесс разгорелся не на шутку, полковник Глинка-Маврин решил задействовать все возможные каналы для того, чтобы вернуть имение. Он нашел подставных лиц, которые выступили свидетелями на суде и утверждали о нечестности сделки между Глинкой-Мавриным и баронессой Байо-де-Гоезе. В гневе Н.Б. Глинка-Маврин писал во всевозможные инстанции, даже самому императору Николаю II, но спасти положение уже было невозможно. Пока стороны спорили о правах, барон Фелькерзам, как явствует из документов, «начал вырубать лесной массив всего имения и предаваться расхищению его, а таковую вырубкою уничтожается вся стоимость спорного имения, обращая его в нулевую величину»²⁰. Упомянутый вырубаемый участок земли состоял из 1 700 десятин, который барон Фелькерзам продал в январе 1909 года за 45 000 руб. через Государственный дворянский земельный банк жене статского советника Анне Андреевне Королевой (урожд. графине Ростопчиной)²¹. Дело об имении закончилось 11 февраля 1909 года постановлением суда признать действительным продажу имения баронессой Байо-де-Гоезе Фелькерзаму, а Н.Б. Глинке-Маврину выплатить 2 250 руб. нынешнему владельцу как вознаграждение за ведение дела в апелляционной инстанции. Так Глинка-Маврин потерял окончательно свое родовое имение да и еще вынужден был выплатить довольно большую сумму денег. На протяжении всего 1910 года Фелькерзам продавал по частям через своего присяжного поверенного М.С. Залшупина все свое имение в Лужской губернии крестьянам, проживавшим на его земле, через Крестьянский поземельный банк. С этого он выручил 100 000 руб. Все документы, касающиеся этих продаж, сохранились²².

Осенью 1907 года Фелькерзам был командирован в Брюгге (Бельгия) как сопровождающий картины и другие художественные предметы, предоставленные Эрмитажем на выставку «Золотое руно». В декабре того же года он был пожалован в звание камергера Двора Его Величества. Зва-

ние камергера он получил не без помощи обер-гофмейстера И. А. Всеволожского (тогдашнего директора музея) и графа П.К. Бенкендорфа, которые ходатайствовали перед князем Н.Д. Оболенским, в то время исполнявшим должность министра Двора, а последний перед Николаем II.

3 мая 1908 года А.Е. фон Фелькерзам был назначен на должность старшего хранителя с годовым жалованьем в 2 000 руб. (плюс столовые 2 000 руб. и квартирные 1 000 руб.), после смерти хранителя А.А. Неустроева, последовавшей в апреле того же года. Его кабинет находился между Северным павильоном и ГД (нынешний зал Кваренги).

Вступив в должность старшего хранителя, Фелькерзам получил возможность наконец-то претворить в жизнь давно задуманный план – перенести по высочайшему повелению Музей золотых, серебряных и фарфоровых вещей Высочайшего Двора из Зимнего дворца в один из просторных залов Императорского Эрмитажа. Причем предметы, хранящиеся в этом музее, он предполагал оставить в «инвентарях Гофмаршальской Части», а хранение музея возложить теперь на старшего хранителя (другими словами, ответственность хранителя перешла от зав. Гофмаршальской частью М.М. Аничкова к А.Е. Фелькерзаму). Светлый большой и нарядный зал²³ (современный зал майолики в Новом Эрмитаже) оказался очень удобен для экспозиции²⁴. Было специально заказано десять новых шкафов, витрин и других предметов (всего в зале располагалось более тридцати шкафов и витрин). Столярные работы мастера Г. Германа (Демидов пер., 9) обошлись Эрмитажу в 1 129 руб. Была приобретена обивка – 450 аршин муара резеда (светло-зеленый цвет), в магазине Товарищества мануфактурной торговли А. и С. Коровиных (Садовая ул., 14–16, против Государственного банка) за 1 200 руб., ею и обили все шкафы и витрины. Работу выполнили сотрудники Дворца А. Борисевич, А. Счастнев, А. Ушаков и В. Ефимов, которые за предоставленные услуги получили вознаграждение: первые двое по 100 руб., последние по 75 руб. Все работы велись с 12 июня по 12 октября 1910 года. Торжественно зал был открыт для посещения 15 октября того же года. В новой экспозиции было задействовано свыше 6 000 экспонатов. Посетить ГД можно было по билетам (существовало несколько видов). Выдавались они Канцелярией музея, причем по одному билету могла пройти целая семья или группа до 20 человек. Посетителей сопровождали два штатных служителя и три дворцовых гренадера, строго наблюдавшие за тем, чтобы никто не дотрагивался до вещей руками. Галерея была открыта ежедневно, кроме пятницы,

Автограф
барона А.Е. фон
Фелькерзама.
1900-е гг.

с 10 утра до 4 часов дня, в июле и августе она была закрыта на летние каникулы. В 1902 году был выпущен первый путеводитель по коллекции, написанный тогдашним хранителем Густавом Левиным (см.: «Эрмитажные новости». № 3.2012. Июнь-июль. С. 2).

Фелькерзам постоянно заботился о пополнении музея. Так, в июне 1912 года он исходатайствовал о переносе знаменитого фарфорового «Сервиза зеленой лягушки», заказанного Екатериной II и находившегося в Английском дворце в Петергофе, в музей Эрмитажа. Специально для этого были заказано 8 новых шкафов и витрин. Также по его ходатайству из других пригородных дворцов были перевезены ценные коллекции фарфора, серебра и предметов из Арсенала.

В конце января 1909 года Фелькерзам участвовал в Комиссии по оценке ювелирных вещей «почившего в Бозе Великого князя Алексея Александровича», в которую кроме него входили А.З. Хитрово, Н.Н. Новосельский, А.К. Фаберже и Н.Н. Шиллинг. Коллекция состояла из 397 вещей и была куплена Двором за 500 000 руб. Все предметы были переданы в Отделение драгоценностей, за исключением нескольких серебряных изделий (миска с крышкой работы Auguste XVIII стоимостью 8 000 руб. была передана Великому князю Павлу Александровичу), а «бриллиантовые звезда и крест ордена Св. Андрея Первозванного, принадлежавшие Государыне Императрице Марии Александровне»²⁵, на сумму 20 000 руб. были переданы по Высочайшему повелению в Кабинет Его Императорского Величества. Особым распоряжением Двора было приказано хранить все вещи в четырех особых шкафах с названием «Коллекция Великого Князя Алексея Александровича». Следующее крупное мероприятие, в котором участвовал Фелькерзам как оценщик, было связано с оценкой имущества умершего князя Георгия Максимилиановича Лейхтенбергского в апреле 1912 года. Тогда Фелькерзам был командирован по ходатайству Великого князя Александра Сергеевича, герцога Сергея Георгиевича и его сестры Елены Георгиевны как член Оценочной комиссии на дачу «Сергиевка» (Петергоф) для оценки и раздела движимого имущества.

Летом 1909 года Фелькерзам был командирован во Львов (нем. его название Лемберг) для выяснения вопроса о появившихся там миниатюрах и табакерках (в количестве 30 предметов), якобы украденных из Эрмитажа. Дело это началось 26 июня с секретной телеграммы от секретаря Консульства во Львове коллежского ассессора В.В. Олферьева, в которой он сообщал, что «австрийский подданный приобрел много миниатюр, табакерок, будто бы пропавших из Эрмитажа, и предложил их переуступить. Во избежание мистификаций, желательнее командировать опытного доверенного Эрмитажа; необходимо немедленное решение в виду предложений покупателей из Лондона и Парижа»²⁶. Фелькерзам немедленно рапортовал директору музея, что «табакерки, хранящиеся в Эрмитаже, все проверены по главному инвентарю 1859 г. и по следующим описям находятся все налицо. Часть их хранится в Галерее драгоценностей, часть передана в Картинную Галерею. <...> Если слух о появившихся во Львове вещах из Эрмитажа (как два года тому назад сплетня

о подменных в Эрмитаже золотых монетах, медалях и других драгоценностях – из дела [Николая Константиновича] Лемана, ограбившего Собственную Его Величества Библиотеку) не простая мистификация, то не исключена возможность происхождения львовских вещей из Библиотеки, где, как известно, были миниатюры и табакерки. Во всяком случае, следовало бы узнать, на чем продавец основывает свое предположение о происхождении вещей из Эрмитажа, так как ни на миниатюрах, ни на табакерках Эрмитаж никаких клейм или других знаков не ставит»²⁷. По возвращении из Львова Фелькерзам предоставил отчет директору о поездке. (См. выдержку из рапорта о поездке во Львов – прил. 1).

Барон А.Е. фон Фелькерзам был назначен как доверенное лицо с разрешения товарища министра Двора, исполняющим обязанности директора Императорского Эрмитажа на время отпуска графа Д.И. Толстого с 22 июня по 1 августа 1912 года (еще раз обязанности директора он исполнял с 1 по 7 августа 1914 года, когда Толстой находился в краткосрочном отпуске; до Фелькерзама директора на время отпуска замещал Э.Э. Ленц). Также, в 1912 году А.Е. фон Фелькерзам был приглашен в выставочный комитет по организации юбилейной выставки к 300-летию династии Романовых (см. РГИА. Ф. 789. Оп. 13 (1912). Ед. хр. 80) и членом жюри конкурса им. Карла Фаберже²⁸.

Летом 1913 года в Петербурге состоялся очередной международный съезд союза музейных директоров, так называемый Fälscherverein, в котором преимущественно принимали участие немцы (директора и хранители более 50 государственных и городских хранилищ; одной из главных тем была проблема подделок произведений искусства). Участвовал в этом съезде и Фелькерзам как представитель от Императорского Эрмитажа. В сентябре следующего года совещание проходило в Лейпциге, куда Фелькерзам хотел поехать на три недели. Для этого он написал рапорт, в котором указывал о желательном участии в нем, так как прошедшее в прошлом году совещание дало «хранителям Эрмитажа впервые возможность участвовать в трудах сего союза, направленных против распространения фальсификаций на художественном рынке, и кроме того вступить в личное общение с директорами иностранных музеев, что имеет существенное значение для научной и художественной жизни Эрмитажа, особенно Отделения драгоценностей и Галереи серебра и фарфора, ибо занятия совещания касаются почти исключительно вопросов о прикладном искусстве. Близкие сношения между представителями Эрмитажа и их иностранными коллегами, создавшиеся в прошлом году, несомненно должны быть сохранены и развиты в будущем, что не только в интересах внутренней эрмитажной работы, но и требуется для поддержки престижа Эрмитажа в международном музейном мире»²⁹. Но в поездке ему было отказано министром Двора, графом В.Б. Фредериксом, в связи с подготовкой к войне с Германией. Кстати, в связи с военным положением Фелькерзам участвовал в упаковке и отправке в Москву самых

Именная описная
карточка к предметам,
хранящегося в ГД.
Автограф
Б.И. Пульяновского.
Сделано по макету,
утвержденному
А.Е. фон
Фелькерзамом.
1900-е гг.

№-02: (24)

В. Мининский
29/12-18

№ инвентаря: 502.

45

✓

(Подъ этимъ П-ромъ въ инвентарѣ 1859 года записана вещь переданная
мозанка).

Полукруглое изображение въ профиль направо Императора ПАВЛА ПЕТРОВИЧА, рѣзан-
ное на перламутрѣ въ кайтанѣ и мантіи съ Андреевской лентой и съ орденами
Мальтійскимъ и Святыя Анны; изображение выложено на фонѣ чернаго стекла и
вставлено въ бронзовыя золоченыя медальоны безъ конька подъ выпуклыми сте-
ломъ. Наверху петля съ продѣянныи кольцомъ.

Диаметръ: 6,6 X 6,5 см.

Изъ коллекціи Добанова Ростовскаго.

порт. Ульф. Малви?

ценных экспонатов ГД, которые вернулись почти в полном составе в 1920 году.

В 1914 году Фелькерзам был назначен членом Высочайше утвержденного Комитета по сооружению памятника Александру II в Петрограде, согласно рескрипту Великого князя Андрея Владимировича от 18 мая 1914 года.

Последнее ювелирное поступление, которое принял Фелькерзам в хранение Галереи драгоценностей перед тем, как подать прошение об увольнении на пенсию, был дар богатого коллекционера В.П. Зурова, который завещал Эрмитажу 11 предметов³⁰. По заявлению душеприказчика действительного статского советника А.С. Ольхина Эрмитажу было предоставлено «право выбрать из собрания покойного желательные вещи», что и сделал старший хранитель Отделения драгоценностей 13 октября 1915 года. В итоге в Эрмитаж поступило шесть табакерок, одна мушкетерка и четыре серебряных предмета³¹.

С 1 ноября 1915 года Фелькерзам был уволен на пенсию по личному прошению. Этому послужили две причины (по официальным источникам). Первая – по болезни: инфлюэнца, осложнившаяся расстройством сердечной деятельности на почве перерождения мышц сердца, вызванного переутомлением и переживаниями (перебои и боли длились несколько дней и вызвали общую слабость и разбитость), у него обнаружили хронический порок сердечных мышц (порок был с детских лет). Его обследовали ординатор Обуховской больницы Г.А. Аальбанус, затем – доктора в Петроградском госпитале Дворцового ведомства. Вторая причина увольнения, по словам директора Эрмитажа Д.И. Толстого, – весьма тяжелые домашние обстоятельства: две старшие дочери Наталья и Елизавета, ушедшие на войну в апреле 1915 года сестрами милосердия, были ранены 19 августа 1915 года во время бомбардировки Ново-Георгиевской крепости, находящейся неподалеку от Варшавы, причем одной из них снарядом оторвало правую руку, а в левую ногу попали три осколка, один из которых оставил глубокую рану. Обе были арестованы в тот же вечер и провели полных два года в заключении у немцев, сначала в Варшаве, а затем в Берлине, вплоть до мая 1917 года. За храбрость, проявленную на войне, обе дочери получили медали Св. Георгия. Позднее они были представлены военным министром Временного правительства А.И. Гучковым к Георгиевскому кресту, но они не получили этих наград, несмотря на декрет, подписанный генералом М.В. Алексеевым, тогда главнокомандующим русскими

Именная описная карточка к предметам, хранящимся в ГД. Автограф С.Н. Тройницкого. Сделано по макету, утвержденному А. Е. фон Фелькерзамом. СПб. 1916.

войсками³². Младшие его дочери Мария и Александра также были сестрами милосердия. По воспоминаниям же дочери Александры, ее отец уволился еще и по другим причинам, о которых нигде не упоминается. Он обиделся на Николая II и его братьев великих князей за то, что они не предотвратили немецкие погромы в стране, и после произошедших беспорядков, не скрывая своей обиды на них, подал прошение в отставку и ушел с поста главного хранителя. П.П. Вейнер по-своему трактовал его увольнение. Он считал, что уволиться его вынудили долги: «К несчастью, материальное положение бар[она] Фелькерзама <...> пошатнулось (настолько, что он вскоре счел выйти в отставку, не считая уместным сочетать должность хранителя Отделения драгоценностей – и каких! – с положением несостоятельного должника)». Действительно, А.Е. фон Фелькерзам переживал финансовые трудности. Так, например, в мае 1914 года он по решению Митавского окружного суда выплатил 35 000 руб. баронессе М.М. фон-дер-Ропп (урожд. Грушецкой; 1862–1941). По какой причине столь большая сумма была ей выплачена – на сегодняшний день остается неизвестно. Также, известен и еще ряд случаев, связанных с выплатами денежных сумм в крупном размере.

Так как для получения официальной пенсии из Государственного казначейства или постоянного пособия от Эрмитажа Фелькерзаму не хватало до первого пенсионного срока по закону чуть больше трех лет³³, за него ходатайствовал перед министром Двора директор музея граф Д.И. Толстой. Сообщая об «отлично-ревностной службе» камергера Фелькерзама, он докладывал, что «за время своей деятельной службы он [А.Е. фон Фелькерзам] выполнил ряд крупных работ, каковыми являются устройство трех Эрмитажных Галерей, а именно: собрание драгоценностей, серебра и фарфора; под его умелым и авторитетным руководством начаты и блестяще завершены работы по упорядочению инвентарей в Отделении драгоценностей, причем инвентари эти все заново переписаны»³⁴. В конечном итоге Фелькерзаму начислили пенсию из Государственного казначейства со дня увольнения 1 000 руб. на один год. В конце 1916 года, спустя год после того, как начисляемая ему пенсия от государства прекратила поступать, он взял ссуду в 3 000 руб. Со второй семьей он жил в Гатчине. Он присутствовал при аресте семьи Николая II в Царском Селе³⁵, а после Октябрьского переворота покинул Россию. Не приняв революцию, он, как и многие другие высокопоставленные представители чиновничьего аппарата, выехал с семьей в Финляндию, но по дороге простудился и умер от пневмонии 7 (20) декабря 1917 года в г. Борга (Порвоо)³⁶.

На место старшего хранителя после Фелькерзама пришел Сергей Николаевич Тройницкий, его сподвижник по журналу «Старые годы», где он являлся одним из основателей журнала и на протяжении десяти лет состоял членом редакционного совета. На посту старшего хранителя С.Н. Тройницкий начал приводить в порядок негативы Отделения драгоценностей, в которой насчитывалось более 800 негативов³⁷. (см. выдержку из отчета о работе ГД за 1916 г. – прил. 2).

Выдержка из рапорта Камергера Высочайшего Двора, Старшего Хранителя барона А.Е. фон Фелькерзама по случаю поездки во Львов для выяснения вопроса о появившихся там, якобы украденных из Эрмитажа, миниатюр и табакерок

«Во исполнение возложенного на меня, по распоряжению Министра Императорского Двора, поручения отправиться в город Львов для выяснения вопроса о появившихся там в руках частного лица (австрийского подданного) миниатюрах и табакерках <...> я отправился в эту командировку 23 июля. Будучи вполне убежден, что названные вещи никак не могут быть Эрмитажными, но подозревая, что они могли бы принадлежать к числу украденных около двух лет тому назад из Библиотеки, я предварительно обратился за сведениями к Библиотекарю В.В. Щеглову и получил от него списки тех вещей библиотеки, о которых пока нет точных данных, находятся ли они налицо, или пропали. <...> Генеральный консул Н. П. Данилов, только что переведенный из Гавра, не будучи в курсе дела поручил В.В. Олферьеву оказать мне во всем необходимое содействие в расследовании настоящего дела. Оказалось, что некто Иосиф Курдыдик, австрийский поданный, назвавший «испытанным учителем агрономии», был тем лицом которое обратилось полтора месяца тому назад в наше Генеральное Консульство с предложением приобрести вещи, якобы похищенные из Императорского Эрмитажа, или, как он потом сказал, из Музея Александра II. При первой нашей встречи Курдыдик объяснил, что владелец, фамилию коего он назвать отказался, в данное время отсутствует но что он сейчас вызовет телеграммой. Прошло несколько дней, в течении коих нам обещаемы были приезды владельца или его жены то утром, то вечером, то на следующий день и т. д. Наконец явилась дама, назвавшая себя женой владельца коллекции Д-ра Александра Сушко, преподавателя истории в Украинской Униатской Гимназии. Нас пригласили к вечеру, для осмотра вещей, в музей и библиотеку Униатского Митрополита Графа Шептыцкого, куда они были отданы будто бы на время отсутствия их владельца. Но здесь новая неудача: Госпожа Сушко забыла ключ от железного сундука и нас просила явиться туда же на следующий день. Прибыв утром нам было сообщено, что вещи тем временем перевезены на квартиру Д-ра Сушко, где, наконец, и удалось мне их увидеть. Нам показали 30 предметов, из них 23 миниатюры в серебряных вызолоченных, кожаных, деревянных и проч. рамках (две без рамок) и 7 черепаховых и частью черепаховых табакерок, во внутренних в крышки миниатюрами.

Уже при беглом взгляде я сразу пришел к заключению что ни один из сих предметов не принадлежал к коллекции Эрмитажа и едва ли одному из других царских казенных или Публичных С.-Петербургских музейных собраний. Преобладающая часть состоит из портретов частных, совершенно неизвестных лиц. Очень поздней эпохи то есть 20, 30 и даже 40 годов 19 столетия. По типу изображенных

лиц надо полагать, что это семейные портрет дворян помещиков Волынской, Киевской и прочих губерний Галиции и кроме того несколько очевидных подделок (как то: мнимый портрет Польского Короля Августа III в латах и дамский в серебряной рамке). Из всех миниатюр только четыре подлинны. <...> За нерусское происхождение коллекции говорит и то обстоятельство, что среди её находятся: миниатюра Австрийского Императора Иосифа II, табакерка с изображением Польского Короля Яна Собесского, миниатюра с портретом Августа III и миниатюры четырех лиц в иностранных мундирах.

Только одна вещь могла бы навести на мысль, что существует хоть доля правды в уверениях г. Курдыдика, – это маленькая миниатюра с серебряной вызолоченной рамке с изображением Императора Александра II (фотография с оригинала Рокштуля). Миниатюра эта однако скорее копия; если же она и подлинник, то и это ничего не доказывает в отношении кражи, так как царских миниатюр в виде подарков было всегда распространяемо довольно много и она могла быть или подарена иностранцу или же просто приобретена за деньги в России.

На мой вопрос: на каком собственно основании владелец коллекции считает что сие миниатюры и табакерки пропали из Эрмитажа или другого Петербургского Музея – г. Курдыдик ответил, что будто бы некий господин, фамилию коего он назвать отказался, находившийся во Львове и выдавший себя за служащего в Эрмитаже, признал эти вещи Эрмитажными, или принадлежавшими Музею Александра II и тут же г. Курдыдик прибавил: «кроме того нам ведь было известно из газет, что были кражи в Эрмитаже».

Убедившись что вещи ни в коем случае не принадлежат Эрмитажу, я это сейчас же объявил г. Курдыдику, в присутствии нашего Генерального Консула, Секретаря Консульства В.В. Олферьева, г-жи Сушко и двух неизвестных нам лиц, из коих один был униатским ксендзом, и все таки просил сделать со всех предметов фотографические снимки, дабы иметь возможность показать их в Петербурге, на что владельцы изъявили свое согласие. Часть снимков я мог получить сейчас же, другую привез с собою (приехал в город 3 августа). Все снимки, которые я просил удостоверить в Генеральном Консульстве с приложением печати (штемпеля) на каждом, приложены к настоящему рапорту.

Фотографические снимки я велел приготовить по следующим соображениям: 1. нахождение их у нас покончит раз и навсегда с легендой, что вещи были украдены из Эрмитажа и послужит при повторении подобных слухов доказательством противоположного; 2. они дадут возможность установить с точностью что предметы эти не входили в состав других Петербургских Музеев, в чем я уже убе-

дился, показав их Библиотекарю В.В. Щеглову и Хранителям Музеем Александра II и Александра III, и позволят нам объявить об этом официально через Генеральное Консульство Курдыдику и компании; 3. такое объявление, в видах прекращения этих нелепых слухов, будет понятно иметь большое значение, нежели мое устное об этом заявление во Львове; 4. независимо от сего я хотел этим вызвать известную проволочку для выяснения предположенной г. Олферьевым подкладки этого дела; по мнению последнего, знатока местных политических и партийных условий, с коими он близко познакомился временно управляя Консульством, – главную роль при предложении нам покупки вещей, якобы пропавших из Эрмитаже, играет желание Униатского Митрополита Графа Шептыцкого, во что бы то ни стало,

оказать услугу Его Величеству и нашему Правительству, чтобы впоследствии, при удобном случае, напомнить о них где следует; а случай такой, по мнению Секретаря нашего Консульства, как раз имеется на лицо, ибо Митрополит хлопчет у нашего Правительства о разрешении покупки земель в Западном Крае для водворения там австрийских колонистов униатов и о расширении его собственной власти над униатами в России. В.В. Олферьев предполагает, что очень возможно, что коллекция приобретена для этой цели Митрополитом. Подвели ли его ли верит ли он сам, что вещи украдены в России – это останется для нас навсегда неизвестным; так или иначе он кажется в этом деле весьма заинтересованным...».

10 августа 1909 года.

Приложение 2

Выдержка из годового отчета С.Н. Тройницкого за 1916 г. по произведенной работе в Галерее Драгоценностей Императорского Эрмитажа

«...Каждый негатив вкладывается в особый конверт из толстой бумаги с печатным бланком, на котором обозначался красными чернилами порядковый номер негатива, и под этим номером негатив вносился в особую инвентарную книгу. Кроме порядкового номера негатива, на конверте обозначался инвентарный номер снятого предмета и краткое его обозначение. Эта часть работы представляла большие трудности, так как, в виду того, что все вещи уложены. Отыскать инвентарный номер снятой вещи удавалось и то не всегда, лишь после целого ряда разысканий, отнимавших много времени. После окончания этой части работы со всех негативов были сделаны, частью в Эрмитаже, часть в магазине Кодака, отпечатки.

По получении отпечатков они были расклеены на фишки из бристольского картона, размером 24 × 30 сантиметров с печатным бланком, на котором обозначались номера предмета и негатива, название и краткая характеристика предмета, его размеры, вес и происхождение. Последняя графа могла быть заполнена лишь для сравнительно недавних поступлений, ввиду почти полного отсутствия сведений о старых Эрмитажных вещах. Отпечаток наклеивался целиком лишь в том случае, ежели на негативе был снят один предмет, в противном случае же отпечаток разрезался, и изображения каждого предмета получало отдельную фишку. Несколько снимков одного и того же предмета наклеивали на одну фишку. Полученные таким образом карточки в количестве свыше 1 000 штук были разбиты на отделы, причем в виду разнообразия состава Отделения Драгоценностей, в котором имеются предметы XVI–XIX столетия, Западноευропейской, Русской и Восточной работы. <...> Так были выделены два отдела географического характера – Персия и Китай, затем отделы предметного характера – Табакерки, часы, оружие, трости, сбруя, вазы, веера, ларцы, готовальни, камеи, колонки и перстни; отдел по материалу – воск, фарфор, серебро, горный хрусталь

и топаз, кость, янтарь, стекло, ювелирные вещи. Отдельно выделены фотографии предметов работы Императрицы Марии Фёдоровны, собрание Алексея Александровича, Александра I и Наполеона.

На каждой карточке поставлен негативный номер ее отдела. Некоторые отделы были разбиты на подотделы, так например табакерки разбиты на черепаховые, перламутровые, финифтяные, с портретами, фарфоровые и т. д. Фарфоровые разделены по заводам. Табакерки работ известных мастеров вынесены под имена этих мастеров.

По окончании систематизации фотографического материала, было приступлено к систематизации встречающихся в литературе сведений о предметах Отделения Драгоценностей. Для этого были просмотрены журналы «Старые годы» за 1907–1910 гг. и отчасти журналы «Connoisseur» и «Kunst und Kunsthandwerk» и отдельные сочинения, и на обороте карточки каждого предмета, о котором встречалось указание, была выписана точная ссылка на сочинение или журнал (также пересматривался архив Эрмитажа; к 1 января 1917 г. прочитаны дела за 1797–1830 гг. И из них сделаны выписки...».

Примечания

¹ См.: Вирюкова Н.Ю., Лопато М.Н. Отделение прикладного искусства // Эрмитаж: История и современность. М., 1990. С. 154. ² См.: Яковлева Е.М. Фелькерзам Магнус Конрад Армин (Армин Евгеньевич), фон, барон // Сотрудники Императорского Эрмитажа (1852–1917): Библиографический словарь. СПб., 2004. С. 158. ³ См.: Левинсон-Лессинг В.Ф. Создание Нового Эрмитажа. Западноευропейские собрания Эрмитажа в середине и второй половине XIX века // История Картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). 2-е изд. Л., 1986. С. 243. ⁴ О коврах

А.К. Фаберже смотри дополнительно информацию: Рупасов А.И., Скурлов В.В., Фаберже Т.Ф. Агафон Фаберже в Красном Петрограде. СПб., 2012. С.217–218, 222–224. ⁵ См.: Адарюков В.Я. Каталог книжных знаков (ex-libris). Выставка Института художественно-научной экспертизы. Пг., 1919. С. 12. ⁶ Пийльман С.Х., Худолей В.В. Армин Барон фон Фелькерзам. Экслибрисы. Таллинн-СПб.-М., 2006. С. 5. ⁷ Кроме статей существует фильм А.У. Басаева под названием «Тайна книжного знака» (2008), который посвящен и коллекции экслибрисов А.Е. фон Фелькерзама. И еще, на прошедшей в Музее Московского Кремля в апреле 2011 г. конференции «Музейные библиотеки в современном обществе: не книжные материалы в фондах музейных библиотек» Гречухина Татьяна Валерьевна сделала доклад «Коллекция экслибрисов барона А.Е. Фелькерзама в Научной библиотеке Российской академии художеств». Доклад пока не опубликован. ⁸ Следует отметить, что по одной из линий Фелькерзам состоял в родстве с Голицыными, по другой – с Валуевым и Менгден. В настоящее время члены большого и древнего рода Фелькерзамов проживают во многих странах мира. ⁹ Хранитель Галереи драгоценностей Императорского Эрмитажа барон А. фон Фелькерзам // Эрмитаж. Зима 2003–2004. 1. С. 20. ¹⁰ При крещении первой дочери восприемниками были княгиня Анастасия Гагарина (урож. Орбелиани), барон Гамилькар Фелькерзам; второй дочери – барон Леопольд фон Фелькерзам (директор курляндского кредитного общества), баронесса Мария фон Фелькерзам, Эвелина фон Фелькерзам (урожд. баронесса Остен-Саккен) и баронесса Эмми фон Менгден (урожд. баронесса Брюнингк). ¹¹ Вейнер П.П. Библиографические листки Старые годы: их история и критика en connaissance de cause (комментарии). СПб., 2008. С. 112. ¹² См.: Там же. С. 72, 112. ¹³ М.Н. Лопато в своей докторской диссертации писала, что эта работа барона Фелькерзама насыщена конкретным материалом, «относящимся к жизни и деятельности петербургских мастеров, главным образом XVIII в. Автор указывает годы жизни, если они известны, время пребывания в Петербурге и какие работы выполнялись (в случае, когда автору удалось установить). Этим, прежде всего, и ценен труд Фелькерзама». См.: Лопато М.Н. Формирование и развитие школы ювелирного искусства Петербурга XVIII–XIX веков. СПб., 2006. С. 4. ¹⁴ Эти воспоминания были любезно предоставлены автору статьи из личного архива А.Е. фон Фелькерзама. Перевод сделала Ксения Позднякова, за что приношу ей глубокую благодарность. ¹⁵ В усадьбе Нежгостицы «в хорошем состоянии находились трехэтажный барский деревянный дом на каменном фундаменте, два флигеля по сторонам дома, в одном – церковь, в другом – бильярдная, жилые флигеля – один каменный, два деревянных, каменная оранжерея с квартирой садовника, три каменных вишневого сарая, один деревянный цветочный, двойной каменный погреб со сводами и каменная водоподъемная башня, от которой проведен водопровод в господский дом и оранжереи». Барский дом был: «В первом этаже десять комнат, во втором девять и в третьем – шесть комнат <...> Особенно роскошной отделкой отличаются комнаты первого и второго этажей, печи изразцовые». ¹⁶ Н.Б. Глинка-Маврин по женской линии приходился родственником В.К. Кюхельбекеру, а по мужской линии знаменитому композитору М.И. Глинке, и ещё по одной линии (Херсонес) – И.П. Безобразову. ¹⁷ Посланный сестрой Н.Б. Глинка-Маврина фрейлиной Их Высочеств Верой Борисовной казак Захар Иванович Хохов был сбит электрическим трамваем на углу Большого и Каменноостровского пр. Затем его в срочном порядке доставили в Петропавловскую больницу, где ему ампутировали ногу, и он пролежал около двух недель в горячке, но выжил. Сторублевый касационный залог бесследно пропал. ¹⁸ Документы о продаже имения М.Ф. Байо-де-Гоезе. ЦГИА СПб. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 3. ¹⁹ Дело

Санкт-Петербургского дворянского депутатского собрания о приобретении имения Нежгостицы-Вал А.Е. фон Фелькерзамом у баронессы М.Ф. Байо-де-Гоезе. Там же. Ф. 536. Оп. 30. Ед. хр. 340. Л. 6. ²⁰ Дело Судебной палаты по иску Н.Б. Глинка-Маврина к А.Е. фон Фелькерзаму. Там же. Ф. 356. Оп. 1. Ед. хр. 13841. Л. 7. ²¹ Документы о продаже А.Е. Фелькерзамом земельного участка в Лужской губернии. Там же. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 3. ²² Там же. Ф. 2077. Оп. 1. Ед. хр. 13. ²³ Фелькерзам А.Е. Новый зал драгоценностей Императорского Эрмитажа // Старые годы: ежемесячник для любителей искусства и старины. СПб., 1911. С. 26. ²⁴ Дело по разным предметам. АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Ед. хр. 32 (1910). Л. 15. ²⁵ Приобретение ювелирных вещей почившего в Бозе Великого князя Алексея Александровича. Там же. Ед. хр. 21 (1909). Л. 19 об. Орден значится в оценочной ведомости под № 35. В альбоме «Шедевры европейского ювелирного искусства XVI–XIX века из собрания Эрмитажа», который вышел в 2010 г., О.Г. Костюк воспроизведенные эти бриллиантовые звезда и орден (согласно надписям K&S; инв. № 287, 288). В свою очередь Л. К. Кузнецова предположила, что обе эти вещи были выполнены фирмой «Кейбель и сын» и основательно аргументирует это, и датирует их 1808–1809 гг. ²⁶ Дело по разным предметам. АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Ед. хр. 24 (1909). Л. 93. ²⁷ Там же. Л. 95, 95 об. Коллежский советник Леман не вернул книгу, взятую в Библиотеке в 1906 г. Ее обнаружили при обыске на квартире Лемана, судебный следователь 12 участка возбудил уголовное дело по факту кражи книги большого формата в цветном кожаном переплете под названием «Jahrbuch der Königlich Preussischen Kunstsammlungen» 1905 г. Ему дали два с половиной года. См.: Личное дело Н.К. Лемана – АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Ед. хр. 42. Л. 9. ²⁸ Фаберже Т.Ф., Горыня А.С., Скурлов В.В. Фаберже и Петербургские ювелиры. СПб., 1997. С. 256–279. ²⁹ Личное дело А.Е. фон Фелькерзама. Там же. Оп. 12. Ед. хр. 80. Л. 100, 100 об. ³⁰ Кроме ювелирных вещей, в Эрмитаж также поступили из личного особняка умершего, находившегося в Царском Селе на Малой ул., 10: 46 картин голландских мастеров XVII века, 33 миниатюры и 12 образцов оружия. Остальное имущество Зуров завещал своим наследницам – жене и трем племянницам. Одна из племянниц – Варвара Ипполитовна Левинсон-Лессинг (урожд. Тарновская), мать Владимира Францевича Левинсона-Лессинга. См.: Соколова И.А. Картинная галерея П.П. Семенова-Тян-Шанского и голландская живопись на антикварном рынке Петербурга. СПб., 2009. С. 302. ³¹ Отчет по Отделению Драгоценностей за 1917 г. АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Ед. хр. 41 (1917). Л. 6. ³² Свидетельство А.И. Гучкова данное Е.В. фон Фелькерзам 19 декабря 1934 г. мне было любезно предоставлено родственниками А.Е. фон Фелькерзама. Перевод выполнила С.Ю. Завадовская, за что автор статьи приношу ей глубокую благодарность. ³³ Назначение пенсии по ст. 87 Пенсионного устава. Государственная служба Фелькерзама составляла 16 лет и 9 мес., в том числе, в ведомстве Министерства Императорского Двора 12 лет и 7 мес. Из этого времени он занимал штатные должности хранителя и старшего хранителя всего 11 лет и 11 мес. ³⁴ Личное дело барона А.Е. фон Фелькерзама. АГЭ. Ф. 1. Оп. 12. Ед. хр. 80. Л. 104 об. ³⁵ Голубев Е.Г. Фон Фелькерзамы // Капитал&Регион. Вып. 6. Даугавпилс, 2009. С. 23. ³⁶ Wilhelm Lenz. Deutschbaltisches biographisches Lexikon 1710–1960. Köln., 1970. P. 219–220. ³⁷ Отчет по Отделению драгоценностей за 1917 год. Там же. Ф. 1. Оп. 5. Ед. хр. 41 (1917). Л. 2–2 об.

©В.М. Дзевановский,
сотрудник Государственного Эрмитажа